еще одно свидетельство важности «мозговых центров» в легитимации государственной политики и той активной роли, которую они играют в рамках публичного политического дискурса.

Литература

1. James McGann Explains: What is a Think Tank? URL: http://www.kcet.org/socal/voices/think-tank-la/interview-with-james-mcgann----what-is-a-think-tank.html
2. The Think Tanks and Civil Societies Program 2008. The Global «Go-To Think Tanks». The Leading Public Policy Research Organizations in the World. Final United Nations University Edition, January 19, 2009.
3. *Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г.* «Мозговые центры» в России и странах Запада: сравнительный анализ. URL: http://www.finanal.ru/001/mozgovye-tsentry-v-rossii-i-stranakh-zapada-sravnitelnyi-analiz-1
4. Interview with James McGann – International Think Tanks. URL: http://www.kcet.org/socal/voices/think-tank-la/interview-with-james-mcgann----international-think-tanks.html
5. *Ковалишин Е.А.* «Think tanks: что это такое?» // Экономика и финансы: публикации. URL: http://www.finansy.ru/publ/pmix001.htm
6. *Виноградова Т.И.* Фабрики мысли (think tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике // Фабрики мысли и Центры публичной политики. Международный и первый российский опыт / Под ред. А.Ю. Сунгурова. Спб: Норма, 2002.
7. *Костылев Е.В.* Зарубежные и отечественные «мозговые центры» // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Вып. 2. 2007. С. 234-332.

Игорь ДОБАЕВ

Воздействие внешнего фактора на институционализацию террористических группировок

Основные черты современного терроризма, нередко прикрывающегося исламом, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных террористических групп при общности идеологических доктрин и целей предельно децентрализована; террористические структуры в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий; террористические организации в высокой степени адаптированы к реалиям современного мира, они действуют как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, для них характерно наличие структур, организованных по типу «паучьей сети» и полностью независимых.

Игорь ДОБАЕВ – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета

Отличительной чертой терроризма на данном историческом этапе является и беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкты многочисленных террористических структур, а также то, что, если традиционный терроризм не затрагивал основ жизнедеятельности общества, то современный высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

По утверждению Марка Сейджмана, сложившийся в современном мире глобальный джихад не является конкретной организацией, он выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, а акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов [1, с. 145].

История последнего столетия свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разноплановового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к египетским «Братьям-мусульманам» (БМ) – первой организации такой направленности, основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 г.

Обличение социального неравенства, коррупции, процветавшей в монархическом Египте, выступления против засилья в стране и в целом на арабском Востоке британского колониализма (в нем «Братья» видели продолжение нового «крестового похода» европейских держав против ислама и мусульман), кампании протеста против сионизма и сионистского проникновения в Палестину, «священную землю ислама», – все это обеспечило популярность движения «Братьев» среди широких масс египтян. Организация «Братья-мусульмане» выражала настроения наиболее консервативных групп мелкой буржуазии, которые выступали за создание «общества социальной справедливости и борьбу с английскими колонизаторами». К концу 1940-х гг. «Братья» вели за собой сотни тысяч, а может быть, и миллионы последователей. Их социальной базой сначала были обездоленные городские слои – «маргиналы», затем они стали вербовать сторонников среди студентов, служащих, рабочих, офицеров. Ассоциация унаследовала от старинных тайных мусульманских сект, в частности от низаритов (исмаилитская подсекта), глубокую религиозность и символизм, проведение четкого различия между рядовыми членами и «посвященной» элитой (у египетских «Братьев-мусульман» существуют четыре степени членства: «общая принадлежность», «братская принадлежность», «активное членство», «активные бойцы», или «моджахеды»; последние пополняют тайное крыло организации, так называемые боевые группы «Братьев». – *Прим. И.Д.*). Эти черты сочетались с полнейшей централизацией под жестким руководством вождя, созданием системы ячеек с руководителями, подобранными и назначенными сверху. Организация создала женские секции, бойскаутские организации и спортивные клубы. Она увеличила свое влияние, открывая клиники, школы для детей и взрослых, кооперативы, дома престарелых. «Братья» умело манипулировали массами на митингах и демонстрациях [2, с. 233]. Таким образом, БМ превратились в массовую организацию с большой сетью ячеек на местах, у нее имелись отряды молодежи, военизированные батальоны, тайные террористические группы.

Пик влияния «Братьев» пришелся на конец 1940-х гг. В тот период ассоциация установила контакты с антимонархической подпольной организацией «Свободные офицеры», развернула террор против политических деятелей Египта, проявлявших проанглийские симпатии. Одновременно лидеры ассоциации, беспринципно сотрудничая с королевским двором, консервативными богословскими кругами и египетскими правыми партиями, готовили государственный переворот. План был раскрыт и сорван правительством, Хасан аль-Банна был убит агентом полиции. Ассоциация временно была объявлена вне закона, затем снова легализована в 1951 г. После революции 1952 г. сотрудничество БМ с правительством «Свободных офицеров» продолжалось недолго, поскольку план установления «исламской опеки» над новым режимом провалился. Вскоре ассоциация выступила против выдвинутой Г.А. Насером программы социально-политических преобразований. После покушения «Братьев» на жизнь египетского президента в 1954 г. их организация была запрещена, многие ее члены репрессированы, другие ушли в подполье [3, с. 19].

«Братья» постоянно лавировали в политическом процессе Египта, дифференцируя свою деятельность от поддержки того или иного режима до его полного неприятия и даже борьбы с ним (в том числе террористической). Однако большинство отколовшихся от «Братьев» радикальных структур, таких как «Джихад ислами», «ат-Такфир валь Хиджра» и др., стали для египетских авторитарных режимов настоящей головной болью. Как известно, боевики «Джихад ислами» осуществили успешный террористический акт в отношении президента Египта А. Садата в 1981 г.

Новый президент Египта Х. Мубарак, развернув преследование наиболее экстремистских фундаменталистских организаций («Джихад», «ат-Такфир валь Хиджра»), в то же время пошел на некоторые уступки умеренным фракциям «Братьев». Их идеологическое проникновение во все сферы египетской жизни в этот период достигает своего апогея, что вынуждало руководство страны и ведущие политические партии считаться с ними. «Братья» приняли участие в выборах 1997 г., выступив в блоке с правобуржуазной партией ВАФД, получившей поддержку значительной части египетских избирателей, что дало основание верховному наставнику «Братьев» Мухаммаду Абу Насеру заявить о возможности прихода к власти мирным, парламентским путем. На очередных выборах БМ выступили в составе возникшего в стране «Исламского союза», который получил 60 мест в парламенте, за него отдали свои голоса 17% избирателей. Используя легальные парламентские возможности, представители ассоциации требовали введения шариатского законодательства, «решительной борьбы с коммунизмом», выступали против египетско-израильского сотрудничества.

В настоящее время организация насчитывает в своих рядах несколько тысяч человек, имеет сторонников в государственном аппарате и других структурах, активно использует возможности средств массовой информации для распространения своих идеологических установок. В последние годы руководители БМ, не отказываясь от своих прежних программ, изменили тактику, постепенно превращаясь в оппозиционную политическую партию. Они уже не критиковали существующий режим открыто, а использовали для этого контролируемые ими многочисленные организации и группы, особенно «аль-Джамаат аль-Исламийя» («Исламские группы») [3, с. 27]. После свержения режима

Х. Мубарака весной 2011 г. шансы БМ на политическое лидерство в Египте заметно возросли. «Братья-мусульмане», а также умеренная исламистская организация «ан-Нур» лидируют в политической расстановке сил в постмубараковском Египте.

Такое развитие ситуации характерно не только для Египта. Например, в Турции с 2002 г. у власти находится исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), которая имеет мало общего с традиционно правившими ранее в Турции правоцентристскими партиями. На парламентских выборах в июне 2011 г. ПСР получила большинство мест в главном законодательном органе Турции и право сформировать правительство. Исламистские тенденции набирают обороты и в других государствах, особенно подвергшихся «цветным революциям», в частности в Тунисе и Ливии. Аналогичные процессы фиксируются и во многих других странах арабского Востока – Алжире, Мавритании, Марокко, активизировались исламисты в Сирии и Йемене.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран. Они ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

В 90-х гг. прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. В тот период экстремисты контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т. д. В 1998 г. им даже удалось создать так называемый «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба с претензиями на мировое господство во главе с лидером «Аль-Каиды» Усамой бен-Ладеном.

С середины 1990-х гг. одним из направлений деятельности бен-Ладена становится его участие в осуществлении идеи «прорыва» движения исламского фундаментализма в южные регионы России. Особо пристальное внимание бен-Ладена вызвали активные действия чеченских сепаратистов. Замысел, связанный с поддержкой этого движения, по всей видимости, предусматривал ускорение процесса создания на территории Чечни независимого исламского государства, которое должно было стать не только символом, но и полигоном институционального строительства в духе идей радикального исламизма, плацдармом для образования других, не зависимых от Российской Федерации исламских республик на Северном Кавказе.

Пик интереса бен-Ладена к северокавказскому региону России пришелся на 1999 г. Уже с середины этого года он приступил к финансированию операции по проникновению боевиков из числа арабских и афганских моджахедов в составе дагестанских и чеченских бандформирований на территорию Дагестана. Бен-Ладен и его ближайшее окружение приняли решение о необходимости перехода от практики разовых терактов, требующих длительной и тщательной подготовки, но дающих относительно невысокий эффект, к организации масштабных боевых действий. Такая тактика, по замыслам ее инициаторов, должна была привести к расширению их поддержки даже со стороны режимов, негативно относящихся к политической практике исламских экстремистов. При этом сам бен-Ладен определил для себя роль общего стратега и международного координатора, аккумулирующего в своих руках и распределяющего поступающую из мусульманских стран материальную помощь. Такая позиция руководства мирового «исламского» терроризма, по нашему мнению, и стала одной из основных причин, побудивших лидеров дагестанских, чеченских и зарубежных «ваххабитов» совершить в августе 1999 г. агрессию против Дагестана [4, с. 62-63].

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду фиксируется децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Как показывает мировой опыт, радикальные исламистские структуры обладают повышенными способностями к регенерации, кроме того, они постоянно прибегают к притоку свежей крови. Например, как сообщалось на сайте газеты «New York Times», данные с захваченных американцами в Пакистане компьютеров исламистов свидетельствуют, что в «Аль-Каиде» появилось новое поколение лидеров взамен убитых и арестованных. Американские эксперты пришли к выводу, что на руководящие позиции в «Аль-Каиде» выдвинулись люди, которые ранее находились внизу иерархической лестницы. Быструю карьеру делают и недавно вступившие в эту организацию. После успешного свержения режима талибов в Афганистане американские спецслужбы ошибочно полагали, что организация «Аль-Каида» полностью децентрализована и превратилась в ассоциацию независимых террористических группировок [5]. Однако сейчас они считают, что «Аль-Каиде» удалось сохранить определенную степень централизации.

С провозглашением в 2007 г. Доку Умаровым «Имарата Кавказ» можно говорить об окончательном формировании на Северном Кавказе очередного крупного террористического кластера, ставшего частью иерархической сетевой структуры «исламского мира». Правда, сетевые структуры террористов в северокавказском регионе России стали формироваться задолго до инициатив Д. Умарова. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки.

Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали так называемые «джамааты», которые выстроены в целом по этническому принципу и действуют в основном в рамках «своих» республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего поколения джамааты пополняются молодыми людьми, их нередко в научных изданиях и публицистике называют «молодежными джамаатами» [6, с. 19-28]. Согласно экспертным оценкам, эти джамааты представляют собой организации, структурно включающие в себя старший, средний и младший руководящий состав, а также рядовых членов [7, с. 92-93].

В *старший руководящий состав* джамаата входят: главный амир (руководитель), который осуществляет общее руководство и финансирование джамаата, вырабатывает общую стратегию разведывательно-подрывной деятельности в зоне ответственности и поддерживает связь с ведущими лидерами НВФ; амир-командующий джамаатом – лицо, непосредственно занимающееся разработкой тактики осуществления разведывательно-подрывных акций в соответствии с общим замыслом, выработанным главным амиром, а также ведающее решением текущих вопросов деятельности джамаата; духовный наставник джамаата фактически является главным идеологом, отвечает за морально-психологическое состояние рядовых членов и пропаганду экстремистских идей в зоне территориальной ответственности.

Средний руководящий состав джамаата составляют амиры-заместители командующего. Они осуществляют непосредственное руководство боевыми группами. Из числа амиров-заместителей командующего назначается первый заместитель, который в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с гибелью, арестом или недееспособностью амира-командующего, берет на себя функции по руководству дальнейшей деятельностью джамаата.

Младший руководящий состав джамаата представлен в лице командиров боевых групп, которые подчиняются амирам-заместителям командующего и руководят действиями рядовых членов.

Рядовой состав джамаата составляют члены боевых групп, которые непосредственно осуществляют разведывательно-подрывную деятельность. Они починяются командиру своей боевой группы, а также амиру-заместителю командующего, которому подчинена данная группа. Общая численность группы, как правило, насчитывает пять человек. Рядовые члены джамаата за невыполнение приказа, проявленную в бою трусость или при подозрении в связях с федеральными силами могут быть казнены без всяких расследований и судебных разбирательств.

В джамаатах действуют строгие правила конспирации: рядовые боевики знают только членов своей «пятерки». На проводимых совещаниях присутствует только руководящий состав, рядовые члены не допускаются.

Структура каждого джамаата носит сетевой характер. Их совокупность в рамках республик образует «вилайеты» (дагестанский, ингушский и т. д.), которые, в свою очередь, в той или иной степени замыкаются на Д. Умарова, лидера «Имарата Кавказ» – единой организации, представляющей интересы религиозно-политического подполья в регионе. Таким образом, речь идет о разветвленной сети религиозных экстремистских формирований на территории северокавказского региона Российской Федерации.

В деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объясняется еще и тем, что большинство из них финансируется спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры.

Террористические джамааты, совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику. Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и в случае необходимости объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; все действия согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность северокавказских неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип. Что особенно важно, вчерашние «партизаны» из горной и лесной местности перебрались в города, привлекли в свои сети молодежь без криминального прошлого, в том числе из школьников, студентов, аспирантов и даже молодых ученых, создали эффективно действующую своеобразную «городскую герилью». В горах и лесах остаются в основном те, кто находится в розыске и не имеет возможности «раствориться» в городах. Вместе с тем среди молодых участников

террористического движения немало материально не обеспеченных, безработных, лиц с низким социальным статусом, с невысоким уровнем образования и т. д.

Основную массу боевиков составляют представители северокавказских этносов. Как правило, это мужчины в возрасте от 25 до 35 лет (не менее 50% от общей численности) и молодые люди до 25 лет (около 30%). Представляют интерес данные последних двух лет, которые свидетельствуют о тенденции «старения» активных боевиков: если прежде среди «непримиримых» было немало юношей 16-17 лет, то сегодня их возрастная планка поднялась, в результате чего «самыми молодыми» стали люди от 20 лет и старше. Как правило, активные члены бандгрупп имеют среднее и даже высшее образование, располагают стажем трудовой деятельности [8, с. 28].

В рядах боевиков есть наемники как из дальнего, так и из ближнего зарубежья. Среди дальних – идеологические проповедники, финансовые посредники, инструкторы, а ближние обычно выступают в роли бойцов, хотя бывают и исключения. Если в «первую чеченскую», а также в начале 2000-х в регионе воевали представители стран Ближнего и Среднего Востока, то теперь их стало значительно меньше, а их место все активнее занимают граждане ныне суверенных постсоветских республик, а также и собственно России. Появились и «русские ваххабиты», которые воюют и совершают диверсионно-террористические акты на территории Северного Кавказа.

С провозглашением Д. Умаровым «исламского государства» – «Имарат Кавказ» – постепенно изменилось внутреннее устройство подполья. Вместо прежних независимых отрядов, возглавляемых самостоятельными амбициозными полевыми командирами, возникла гибкая сетевая структура, позволяющая не только решать задачи выживания, но и вести активные боевые действия – и часто небезуспешно [9]. М. Сейджман относит появившийся на Северном Кавказе новый крупный террористический кластер, как и другие аналогичные образования, к сетевым структурам «малого мира», в отличие от глобальной иерархической сетевой структуры Усамы бен-Ладена 90-х гг. Сетевые структуры «малого мира», подчеркивает М. Сейджман, обладают интересными свойствами: в отличие от иерархической сетевой структуры, которую можно ликвидировать, обезглавив ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура «малого мира» сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Где сетевая структура «малого мира» уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожено, то сеть распадается на изолированные и лишенные связи острова, состоящие из точек... [1, с. 149].

«Имарат Кавказ» – это сетевая структура «малого мира», возникшая на базе так называемого «Кавказского фронта», включавшего в свой состав множество местных «фронтов», сконструированного Абдулхалимом Садуллаевым, предшественником Д. Умарова на посту «президента Ичкерии».

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда субъектов – вилайетов. Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая. В мае 2009 г. указом Д. Умарова вилайет Иристон был упразднен и включен в состав вилайета Галгайче. Таким образом, верховный амир «Имарата Кавказ» разрешил давний территориальный спор между ингушами и осетинами в рамках придуманного им «государства». При «верховном амире» «Имарата» созданы функциональные структуры – мухабарат (разведка и контрразведка), шариатский суд, «министерство по связям с общественностью», «военное министерство» и др. Весной 2009 г. Д. Умаров оснастил свой «Имарат» дополнительным атрибутом государственности, созвав представительный орган – Маджлис уль-Шура. Туда входят главы вилайетов (регионов) и наиболее заметные руководители джамаатов (местных бандгрупп). Маджлис уль-Шура представляет собой аналог верхней палаты парламента, имеющей, однако, лишь совещательные функции, всей полнотой власти располагает только верховный амир. В свою очередь, во главе каждого вилайета стоит свой амир (глава субъекта), обладающий властными полномочиями на курируемой территории. Он отбирается из числа амиров местных джамаатов (глав районов, совмещающих полномочия командиров мобильных банд). При амире вилайета, как и при верховном амире «Имарата», как правило, действует меджлис – совещательный орган из наиболее авторитетных представителей общины [9].

Если сравнить структуру «Имарата Кавказ» со структурами аналогичных зарубежных исламистских образований, то нетрудно обнаружить их внутреннее сходство. Например, в 90-х гг. в структуру «Аль-Каиды» входили: «Шура», или Консультационный совет – узкий круг близких соратников бен-Ладена, большинство которых находились с ним в тесных отношениях еще со времен Афганистана; «Шариа» и Политический комитет, отвечавшие за издание «фатв» – постановлений, основанных на законах шариата и предписывающих или оправдывающих определенные действия, включая убийства; Военный комитет, ответственный за выбор потенциальных мишеней, разработку и осуществление операций и управление тренировочными лагерями; Финансовый комитет, ответственный за сбор средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату про-

живания, расходов, поездок членов сети и движение финансовых потоков, необходимых для проведения операций; Комитет иностранных закупок, отвечавший за приобретение оружия, взрывчатых веществ и оборудования; Комитет безопасности, отвечавший за защиту членов сети, сбор разведывательной информации и контрразведку; Комитет информации, отвечавший за ведение пропагандистской работы [5].

Не стоит думать, что эта структура отражала цепочку командования при организации каждой конкретной террористической операции. С ее помощью осуществлялась общая координация действий «Аль-Каиды», в том числе обеспечение материальной поддержки терактов. Но как только принималось решение о проведении конкретной акции, ее организация поручалась засекреченной ячейке «Аль-Каиды», состоявшей из тщательно отобранных членов сети. Такую ячейку всегда возглавлял один из высокопоставленных боевиков «Аль-Каиды», подчинявшийся лично бен-Ладену.

Аналогичное можно сказать и об «Имарате Кавказ», имеющем в своем составе засекреченные ячейки типа пресловутой «Риядус Салихийн». Таким образом, не только в идеологическом, но и в организационном отношении северокавказские террористы следуют в фарватере построений их более опытных коллег из других стран мусульманского Востока.

Итак, трансформация террористических сообществ в последнее время идет преимущественно по пути адаптации сетевых форм организации к потребностям террористических групп. Имеет место отход террористических организаций от иерархических и линейных моделей организации и переход к сетевым. Новая, сетевая модель террористической организации позволяет достигать большей конспиративности и эффективности, а ее финансовые возможности в глобализирующемся мире оказываются самодостаточными. В связи с распространением информационных технологий у террористических организаций появляется возможность оперативно координировать любые акции отдельных боевых групп в любых масштабах. На смену централизованным террористическим организациям прошлого приходят транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способные в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой точке планеты. В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международного терроризма является сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть. В рамках таких сетей свое место могут найти и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически не ограниченным. Переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных – наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым [10, с. 18-20].

Эффективность организации таких террористических сетей и входящих в их состав боевых групп обуславливается повышением уровня координации действий, расширением организационных возможностей, а также активизацией обмена информацией, в том числе в режиме реального времени. В результате они оказываются почти идеально адаптированными к условиям так называемых «роевых» войн, или войн с использованием принципа «боевой стаи» [11, с. 76], когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (районов, республик и даже стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, которые стремительно исчезают с места действия или сливаются с населением. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов. Эффективна она и в современных мегаполисах, поскольку целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население.

Литература

1. *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. М., 2008.
2. *Васильев А.М.* Египет и египтяне. М., 1986.
3. *Добаев И.П.* Политические институты: идеология и практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.
4. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира. Ростов н/Дону, 2001.
5. «Аль-Каида» отращивает новые головы взамен отрубленных. URL: Lenta.ru. 2004. 11 августа.
6. *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011.
7. *Добаев И.П.* Современный терроризм: социально-политическое явление эпохи глобализации // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1.
8. *Матишов Г.Г., Пащенко И.В.* Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2011.
9. *Боброва О.* Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. № 22. 2010. 3 марта.
10. *Соловьев Э.Г.* Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М.: ЛЕНАНД, 2006.
11. *Добаев И.П., Дугин А.Г.* Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. Ростов н/Дону, 2005.